

Н. Русова, В. Шевцов

«Гамлет»

Это стихотворение открывает собой «Стихотворения Юрия Живаго», семнадцатую часть знаменитого романа Пастернака, который вобрал в себя опыт всей его жизни. Несмотря на кажущуюся лексическую прозрачность, подчеркнутую правильным пятистопным хореем, оно по праву считается одним из самых сложных лирических произведений Пастернака. Попробуем разобраться в многочисленности «мерцающих смыслов».

Заглавие ориентирует читателя на образ шекспировского героя. Как известно, Гамлету ценой жизни пришлось выполнить свой тяжелый долг — отомстить за отца. Трагедийное звучание, следовательно, задано в самом начале. Но Гамлет — это еще и роль в пьесе, и первая строка стихотворения говорит нам о том, что повествование ведется от лица актера, играющего эту роль (вспомним, что в поэтическом мире Пастернака понятия «поэт» и «актер» часто синонимичны). В начальных строчках закладывается также ощущение одиночества героя, его противостояния — залу, «сумраку ночи», миру «фарисейства». Однако выход на сцену всё равно необходим, ведь только он позволит уловить в шуме жизни отголоски будущего.

Во второй строфе «тысяча биноклей» развивает заложенный в сознание читателя образ зрительного зала, который, однако, уже становится полным тревоги и угрозы «сумраком ночи». Строки 7 и 8 почти дословно передают полные мольбы слова Иисуса Христа, обращенные к Богу-Отцу в ночь перед предательством Иуды и последующими страданиями: «Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты» (Евангелие от Марка, глава 14, стих 36). Как видим, режиссером ставящегося спектакля оказывается Бог, а в образе актера (поэта) просвечивают очертания Иисуса. Лирический герой согласен на уготованные ему историей и культурой испытания, он даже любит этот «упрямый замысел»; дело, однако, в том, что на сцене на сей раз разворачивается другая, еще невиданная человечеством драма, роль в которой смертельно опасна.

«Но продуман распорядок действий», играть (и жить, и творить) надо всё равно, хотя трагический конец пути неотвратим — ведь мир кругом потоплен в фарисействе (то есть лицемерии и ханжестве; фарисеи — члены древней иудейской секты, отличавшейся религиозным фанатизмом и двойной моралью; Христос боролся с фарисеями и был схвачен по их наущению). Последняя строка стихотворения повторяет известную поговорку («Жизнь прожить — не поле перейти»), и с ее помощью лирический герой обретает знакомые черты обычного земного человека, который не раз и про себя, и вслух произносит эту фразу.

Итак, лирическое «Я» — это и актер, играющий Гамлета, и поэт, за которым видится вечный образ Христа, и герой пастернаковского романа Юрий Андреевич Живаго (который был не только врачом, но и поэтом, и религиозным философом), и, конечно же, сам Борис Леонидович Пастернак, с его трагической и гордой судьбой (вспомним нобелевские дни 1958 года).